

Л. В. Енина
Екатеринбург, Россия

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ КОНЦЕПТ И МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья начинается обзором традиций исследования идентичности и соответствующих направлений отечественной лингвистики. Автор придерживается мягкой концепции идентичности, опираясь на труды М. Фуко и Э. Лакло и Ш. Муффа, и, продолжая разработывать теорию дискурсивной идентичности, разграничивает понятия «идентичность» и «идентификация». В статье ставится вопрос не о репрезентации идентичности в дискурсе, а о том, как идентичность структурируется в дискурсе. Впервые предлагается рассмотреть идентичность (индивида или группы) как комплекс идентификаций, организованных в дискурсе по сетевому принципу. Семантика идентификаций может быть сходной, взаимодополняющей или взаимоисключающей, но все идентификации, разнородные структурно и семантически, связаны с одним и тем же дискурсивным концептом. Дискурсивная идентичность конструируется идентификациями разных тематических направлений, поэтому определяющими свойствами дискурсивной идентичности являются динамичность, множественность, ситуативность. Анализ идентичности может касаться как исследования сетевой структуры концепта в рамках определенного дискурса, так и рассмотрения дискурсивных практик ее конструирования. Также в статье рассмотрены лингвистические способы идентификации и сформулированы механизмы дискурсивной идентификации: признаковый, нарративный и структурный.

Предлагаемый подход к исследованию идентичности позволяет показать динамический, «плавающий» характер идентичности в дискурсе. Идентичность как дискурсивный концепт образует единство не благодаря смысловой согласованности высказываний, а благодаря одновременному воспроизведению нескольких ценностных практик идентификации, вступающих в конкурентную дискурсивную борьбу за «истинное» определение идентичности. Теоретические положения раскрываются на материале российских СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивные практики; дискурсивная идентичность; концепты; медиадискурс; средства массовой информации; язык СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Енина Лидия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Департамента журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: enina.lidia@gmail.com.

В гуманитарных науках можно выделить две основные традиции понимания идентичности (в данном случае неважно, чьей идентичности — индивида или группы), эти традиции, говоря словами Роджерса Брубейкера, представляют собой «жесткую и мягкую концепции идентичности» [Брубейкер 2012: 84]. Упрощенно представляя эти концепции, можно сказать, что жесткая концепция фиксируется на поиске устойчивости, целостности, однородности идентичности. А мягкая концепция делает акцент на изменчивости, фрагментарности, множественности идентичности.

В отечественной лингвистике жесткая концепция идентичности является одной из наиболее распространенных. С этих позиций идентичность рассматривается как психологический процесс отождествления себя (другого) с какой-либо общностью, на этот процесс влияет жизненный опыт и социальное окружение. Язык занимает «срединное» положение между сознанием и действительностью, соответственно, с помощью языковых единиц проявляется результат психологического процесса отождествления.

В рамках жесткой концепции идентичности одним из лингвистических способов постичь национальную/этническую идентичность является изучение языковой картины мира [Попова, Стернин 2010], национальных русских концептов [Шмелев 2002, см. также: Логический анализ языка. Истина и истин-

ность в культуре и языке 1995 и др.]. В ряду изучения концептов активно описываются лингвокультурные типажи как идентификационные ориентиры для представителей определенной культуры: «русский интеллигент», «русский дворянин», «калмыцкий кочевник», «английский бизнесмен», «американский супермен», «пижон», «менеджер», «начальник» [Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи 2005].

Проблематика идентичности в лингвистических исследованиях присутствует при обращении к понятию «речевой портрет», коррелирующему с понятием «языковая личность» [Караулов 1989]. Этот термин употребляется в социолингвистических исследованиях при описании индивидуального или типового речевого поведения представителей социальной группы: маргинальная языковая личность [Николаева 1991]; современный русский интеллигент [Крысин 2001]; современные российские политики [Китайгородская, Розанова 1999] и др.

Проблематику идентичности находим в исследованиях коммуникативного поведения. Речевое поведение человека обнаруживает зависимость от целенаправленной ориентации на свое/чужое социокультурное пространство [Прохоров, Стернин 2006; Язык русского зарубежья 2001]. Прагмалингвистический подход к речевому поведению обращается к феномену идентичности с точки зрения самопрезентации личности (по-

дробнее о соотношении идентичности и самопрезентации см.: [Лаппо 2013: 32—42]: изучаются коммуникативные стратегии и тактики, позволяющие определенным образом влиять на адресата, намеренно оказывать на него воздействие благодаря демонстрируемым качествам личности [Борисова 2005; Иссерс 1999; Громова 2007 и др.].

Жесткая концепция идентичности помогает обнаружить коммуникативные и лингвистические маркеры, репрезентирующие уже сформулированную исследователем идентичность, таксономически описать лингвокультурные типажи, концепты, стереотипы, бытующие в коллективном когнитивном пространстве представителей определенного культурного сообщества, но не проблематизирует понятие идентичности и оставляет за скобками вопрос о ее изменчивости. Говоря словами Е. В. Леоновой: «То есть носитель идентичности в представленных дискурсивных условиях, по сути, отвечает на вопрос „Какие качества своей личности стоит проявить в данной ситуации, чтобы произвести положительное / нужное впечатление?“ вместо „Кто я и какой я есть на самом деле?“» [Леонова 2010: 71].

Мягкая концепция идентичности обязана своим происхождением социальному конструктивизму и предлагает смотреть на идентичность прежде всего как на социальную переменную, имеющую исключительно символическое — дискурсивное — измерение. Мы опираемся на понимание дискурса в русле идей М. Фуко — как относительно устойчивое поле смыслов и знаков, упорядочиваемых группами дискурсивных практик [Фуко 1996; Чепкина 2000]. «Как идеологическая конструкция идентичность складывается в языке и ни в какой другой форме, кроме форм языка, не существует. Неверно говорить, что идентичность отражается в языке, выражается через язык или опосредуется при помощи языка. Это позволило бы заключить, что идентичность существует как самостоятельная сущность где-то вне и независимо от языка. Идентичность дискурсивна, то есть лингвистична» [Сандомирская 2001: 45]. С нашей точки зрения, следует говорить не столько о лингвистической, сколько о дискурсивной природе идентичности, как это делает, например, О. Г. Ревзина, вводя понятие лингвистики дискурса: «...лингвистику дискурса не занимает вопрос о связном, завершённом тексте, о принципах его устройства; ее измерение — это проникновение сквозь разные тексты. Нужно выйти к той форме бытования языка, которая дана не на уровне конструктов (порождение, понимание — то, что происходит в сознании

субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению), а на уровне материальной телесности. Этим уровнем является реально высказанное, произнесенное, закреплённое „на белизне бумаги“, так что единицей дискурса является высказывание» [Ревзина 1999: 27; см. также: Батлер 2000; Лаппо 2013; Савкина 2001; Слободяник 2007]. Иными словами, говорящий в процессе речи всегда конструирует свою или чужую идентичность и пользуется для этого доступными ему дискурсивными смыслами, которые он принимает за нормативные в конкретной ситуации общения.

Такое положение противоречит здравому смыслу относительно того, что идентичность скрывается во внутреннем мире говорящего и в его речи она только *проявляется* или не проявляется, в зависимости от прагматических условий коммуникации. Однако научное знание необязательно должно согласовываться со здравым смыслом: то, что Земля вращается вокруг Солнца, тоже противоречит здравому смыслу, однако как научный факт не оспаривается, по крайней мере, в современной науке. М. А. Лаппо находит для говорящего примирение со здравым смыслом, когда пишет, что «вероятно, говорящий *конструирует* идентичность, имея уверенность в том, что он ее *выражает* (репрезентирует)» [Лаппо 2013: 30].

Лингвист, который придерживается мягкой концепции идентичности, может поставить вопрос не о репрезентации идентичности средствами языка, а о том, как идентичность структурируется в дискурсе.

Дискурсивная идентичность задается набором дискурсивных знаков, которые не обладают однозначностью интерпретации, поэтому ее определяющими свойствами являются динамичность, множественность, ситуативность. Динамичность указывает на способность идентичности к трансформации в текущей коммуникации, множественность подчеркивает ее семантическую неоднородность, ситуативность связана с закономерностями организации конкретного дискурса. При таком понимании идентичности и ее свойств она есть всегда промежуточный результат условных социальных, в том числе дискурсивных процессов. Говоря «промежуточный», мы подчеркиваем невозможность завершения процесса идентичности. Дискурсивная идентичность подобна течению реки, которое нельзя остановить, но можно сфотографировать. Принимая во внимание эту специфику дискурсивной идентичности, необходимо при ее выявлении учитывать временные и иные границы исследуемого

дискурса.

Признание свойства «множественности» дискурсивной идентичности может вызывать опасения в том, что в этом случае само понятие идентичности как отождествления с чем-то устойчивым распадается, и тогда возможно ли вообще говорить о структуре дискурсивной идентичности? Мы считаем, что для того чтобы вести речь о структуре дискурсивной идентичности, необходима другая **категория анализа**: мы должны сместить свой взгляд с понятия идентичности на понятие идентификации как отдельного дискурсивного акта установления тождества или различия с чем-/кем-нибудь. «Идентификация лишена „овеществляющих“ коннотаций идентичности» [Брубейкер 2012: 89; см. также: Филлипс, Йоргенсен 2008].

С собственно лингвистической точки зрения идентификация может быть осуществлена с помощью слова (*преподаватель, журналист, добрый, красивый*), словосочетания (*председатель правительства, заведующий кафедрой, русский патриот*), клишированного выражения (*все бабы дуры*), законченного смыслового фрагмента (например, слова Сергея Доренко о долге журналиста: *если на любую радиостанцию, в любое средство массовой информации звонит человек и говорит: я с места аварии, то твой долг его выслушать*) или текста (например, мемуары или личный дневник). Семантическое наполнение выделенных единиц определяется только исходя из конкретной коммуникативной ситуации и дискурса в целом. Разумеется, семантика идентификаций может быть сходной, взаимодополняющей или взаимоисключающей, но все идентификации, разнородные структурно и семантически, связаны с одним и тем же дискурсивным знаком.

Таким образом, после введения понятия «идентификация» мы можем предложить следующее определение дискурсивной идентичности. Дискурсивная идентичность — это дискурсивный концепт, организованный по сетевому принципу (мы опираемся на понимание дискурсивного концепта, предложенное Э. В. Чепкиной: «В связи с анализом определенного дискурса рассматриваются только такие концепты, которые принадлежат этому дискурсу и не могут отождествляться с ментальными структурами реальных коммуникантов, действующих в данном дискурсивном пространстве» [Чепкина 2000: 10]), т. е. это нецентрированный комплекс идентификаций, он связан тематически, может иметь разные смысловые конфигурации на основе отношений подобия, различия, смежности и других и способен

трансформироваться за счет добавления новых идентификаций и изменения смысловых отношений между ними.

Анализ идентичности может касаться как исследования структуры концепта в рамках определенного дискурса, так и рассмотрения дискурсивных практик ее конструирования. Под дискурсивными практиками понимаются закономерности передачи и развертывания смыслов [Чепкина, Енина, 2012; см. также: Майданова, Чепкина 2011; Иссерс 2014]. «Концептуальный анализ не может сводиться к исчислению контекстов употребления. Более реалистичным представляется путь гипотетического реконструирования символических практик, т. е. семантических, прагматических и культурно-идеологических „ходов“ создания и воспроизведения дискурса, реконструирование логики диалога между разными символическими образованиями» [Сандомирская 2001: 27].

В отечественной лингвистике традиционно рассматривают структуру концепта как фреймовую структуру [Карасик, Дмитриева 2005; Попова, Стернин 2010 и др.]. Мы считаем важным подчеркнуть, что дискурсивный концепт организован иначе, чем экспликация в языке фрейма-концепта, соотносимого с ментальными структурами. Дискурсивный концепт не рассматривается отдельно от дискурса, его сетевая структура присутствует в отдельном тексте, но не исчерпывается им, а находит продолжение в других текстах. Имя дискурсивного концепта имеет более или менее устойчивый смысл, но допускает возможность его семантических изменений в результате конкуренции дискурсивных практик, его структурирующих. «В качестве организующего средства сети обладают неоспоримыми преимуществами благодаря свойственным им гибкости и адаптируемости» [Жастельс 2004: 13].

По словам Л. Филлипс и М. Йоргенсен, «все подходы к дискурсу-анализу... построены на идеях Фуко об истине. Он понимает ее как нечто, что создается дискурсивно» [Филлипс, Йоргенсен 2008: 35]. Однако в силу специфики организации дискурса СМИ нам ближе концепция дискурса Муфф и Лакло, которые делают акцент на том, что в каждом историческом периоде сосуществуют различные дискурсы, борющиеся за право определять истину и присваивать ее дискурсивному знаку, в том числе концепту [Laclau, Mouff 1985].

Применив этот тезис к дискурсу СМИ, мы видим, что СМИ порождают такое дискурсивное пространство, в котором одновременно циркулируют разные, в том числе взаимоисключающие, мнения и транслиру-

ются, явным или скрытым способом, разные ценностно-нормативные, политические, профессиональные ориентиры. Это не разрушает дискурс СМИ, который, как и всякий дискурс, структурируется правилами формирования объектов и концептов, правилами формирования субъектных позиций дискурса, подчиняющихся процедурам включения и исключения [см: Фуко 1996; Енина, Чепкина 2012 и др.]. Но в дискурсе СМИ ценностные практики (доктринальные — в терминологии М. Фуко) имеют принципиальную разнородность. Ценностные (доктринальные) дискурсивные практики — это вербализованная ценностная позиция говорящего в дискурсе СМИ: «...последовательное отстаивание каких-либо социальных и политических теорий прослеживается в политической ориентации органов СМИ» [Чепкина 2000: 71]. Ценностная позиция — доктрина — способна дать основание групповой идентичности, она объединяет говорящих в определенные, в том числе и виртуальные, группы.

Для иллюстрации того, как возможно исследовать дискурсивную идентичность в СМИ, приведем в пример относительно недавнее событие в сфере российского искусства: фильм «Левиафан» Андрея Звягинцева имел большой успех на международных кинофестивалях и получил широкое обсуждение в российском обществе. В российских СМИ цитировались и порицатели, и почитатели этого режиссера. В связи с этим можно говорить о конструировании идентичности Андрея Звягинцева в дискурсе СМИ.

Покажем это на примере подборки мнений экспертов о режиссере и его картине в тексте «„Левиафан“ — красавец или чудовище?» газеты «Известия» [«Левиафан» — красавец или чудовище? 2015]. Конечно, дискурсивная идентичность не исчерпывается идентификациями, взятыми из отдельного текста, но в каждом тексте присутствует набор знаков и тематические направления идентификации концепта, которые входят в общую сеть дискурсивного концепта «Андрей Звягинцев».

Охарактеризуем журналистский текст. С позиции норм качественной журналистики, подборка проведена корректно и представлено 11 мнений. В качестве экспертов выбраны деятели киноиндустрии, занимающие высокие должности и в основном известные широкой публике: президент фестиваля «Артдокфест» и национальной премии в области неигрового кино «Лавровая ветвь», режиссер-документалист Виталий Манский; президент международного кинофорума «Золотой витязь», народный артист РФ Николай Бурляев; режиссер, народный артист

РФ Владимир Хотиненко; режиссер Юрий Быков; председатель Киносоюза, режиссер Андрей Прошкин; председатель комитета по культуре Госдумы, народный артист РФ, режиссер Станислав Говорухин; гендиректор «Ленфильма» Эдуард Пичугин; член Американской киноакадемии, режиссер Сергей Бодров; режиссер Алексей Герман-младший; киновед, программный директор Московского кинофестиваля Кирилл Разлогов; гендиректор Госфильмофонда Николай Бородачев (эксперты перечислены в порядке очередности представления их мнения в тексте). Если отрешиться от персоналистического взгляда на экспертов, можно увидеть, что практики отбора экспертов прежде всего ориентированы на их высокий институциональный статус.

Дискурсивный концепт — это сеть множественных идентификаций, поскольку мы обращаемся только к одному тексту, то, естественным образом, ряд идентификаций отсутствует, так, (авто)биографические практики в конструировании концепта «Андрей Звягинцев» здесь не представлены, но могут быть добавлены за счет других медиатекстов. Концепт «Андрей Звягинцев» в анализируемом тексте представлен базовой идентификацией, базовой, т. е. не подвергающейся смысловым изменениям. Это идентификация по принадлежности к профессиональной группе: «Андрей Звягинцев — режиссер». Базовая идентификация выступает дискурсивным знаком с неизменным значением в данном тексте. Однако дискурсивная борьба разворачивается за присвоение оценочного смысла этой базовой идентификации. Далее мы задаем вопрос: какие тематические направления актуализированы в обсуждении режиссера и его картины? Смысловое развитие этой базовой идентификации движется в нескольких направлениях. Сеть концепта задают идентификации пяти тематических направлений: (1) высокая эстетическая оценка работы режиссера; (2) идейное содержание фильма, заложенное режиссером; (3) влияние фильма Звягинцева на авторитет России; (4) влияние фильма Звягинцева на РПЦ; (5) соблюдение законодательства при выходе фильма.

В каждом высказывании экспертов перечисленные тематические направления имеют разную сочетаемость. Для цитирования мы выбираем законченный смысловой фрагмент высказывания, связанный с одним из тематических направлений.

Тематические направления, представленные единичными идентификациями в анализируемом тексте, свидетельствуют о потенциальности их развития в дискурсе СМИ: это

влияние фильма на РПЦ (*фильм сильно бьет по РПЦ* (Николай Бурляев)) и соблюдение законодательства при выходе фильма: *Я за этим фильмом слежу уже давно, он вышел с нарушением законодательства: обязательный экземпляр не был вовремя сдан в Госфильмофонд РФ. Сейчас он у нас уже имеется* (Николай Бородачев). Эти идентификации сосуществуют с другими идентификациями, но не пресекаются с ними.

Достаточно широко представлено тематическое направление, которое формируется идентификациями, содержащими положительную эстетическую оценку картины Звягинцева: *Мне кажется, Звягинцев снял хорошее кино* (Станислав Говорухин); *Звягинцев снял серьезную и убедительную картину, понятную западному зрителю* (Сергей Бодров); *Звягинцев — художник, а не конъюнктурщик. Мнение, что „Левиафан“ получил призы только за конъюнктуру, — это чушь на постном масле. Всё гораздо проще: замечательный режиссер снял достойную работу* (Андрей Прошкин). В последнем примере показательно, что в идентификации присутствует противопоставление *художник, а не конъюнктурщик*. Дискурсивный знак «конъюнктура», реализующий смысл «выгода на данный момент», повторяется в 9 высказываниях экспертов из 11. Эксперты могут отрицать влияние конъюнктуры, объяснять ею успех режиссера на Западе или указывать на «особый случай», как, например: *За рубежом социально-критические фильмы из России вызывают большой интерес. Я сознаю, что в случае с „Дураком“ (фильм Быкова завоевал на престижном фестивале в Локарно приз за лучшую мужскую роль. — „Известия“) решающую роль сыграл именно этот момент. И здесь нет ничего удивительного. Но с „Левиафаном“ ситуация несколько иная* (Юрий Быков).

Вне зависимости от приписывания конъюнктурных соображений режиссеру или их отрицания, само присутствие этого дискурсивного знака говорит о том, что в тематическом направлении «идейное содержание фильма, заложенное режиссером» знак «конъюнктура» вносит дополнительный смысл к базовой идентификации «Андрей Звягинцев — режиссер».

Также во всех высказываниях экспертов повторяются еще два дискурсивных знака — «Россия» и «Запад» (встречаются 11 раз из 11). Дискурсивный знак «Запад» выступает не только географическим понятием, включающим Европу и США, но и оценочно нагруженным — смыслы враждебности по отношению к России повторяются 9 раз из 11.

Благодаря дискурсивному знаку «Россия» в тексте формируются две ведущие цепочки идентификаций, в оценочном отношении противоположных: (1) «Андрей Звягинцев» повышает авторитет России: *надо гордиться тем, что наша страна представлена в ведущих мировых конкурсах* (Эдуард Пичугин). (2) Андрей Звягинцев уменьшает авторитет России: *Мне очень жаль, что Андрей пошел таким путем, ведь он очень одаренный человек, который в прошлом снимал прекрасные фильмы. Я не знаю, диктуют ему продюсеры или западные спонсоры, но он выполняет заказ по дискредитации нашей страны* (Николай Бурляев). Мы считаем, что выбор идентификаций в пользу «повышения авторитета» или в пользу «умаления авторитета» есть реализация ценностных дискурсивных практик государственнического дискурса, суть которого в том, что защита государственных интересов важнее частных, профессиональных интересов или интересов гражданского общества в целом.

Говорящий, оценивая режиссера и его произведение с точки зрения влияния на авторитет государства, воспроизводит практики этого дискурса. Следование государственническому дискурсу может воплощаться и в смыслах, незначимых для текста в целом. Так, слова А. Германа-младшего мимоходом воспроизводят государственнический дискурс в сравнении России и Исландии, и хотя следующей фразой он снижает этот пафос, нам важно подчеркнуть, что при конструировании идентичности «Андрей Звягинцев — режиссер» этот дискурс актуализируется: *Наверное, к „Левиафану“ выше внимание, чем к какому-нибудь фильму, скажем, из Исландии. Но разговоры о том, что Звягинцеву дают награды только из-за ситуации в отношениях между Россией и Америкой, — преувеличение. Голливуд и американский кинематограф живут своей жизнью, и, конечно, премия вручается потому, что картина просто понравилась*.

В нашем понимании государственнический дискурс перекликается с дискурсом о Родине, дискурсивные практики которого описаны И. Сандомирской [Сандомирская 2001]. Перекликается в том, что в дискурсе российских СМИ редуцировалась коммунистическая идеология, но сохранились смыслы преданности Родине как государственному образованию. «Сознательное отношение к Родине — это отношение убежденного коммуниста и свободного гражданина, добровольно отдающего свой труд на благо общества» [Сандомирская 2001: 74]. След дискурсивных практик сознательного отношения

к труду на благо Родины обнаруживается в словах другого эксперта: *Может быть, какие-то художественные достоинства у этого фильма есть, но мне совершенно не близка сама подача. Ту же историю можно было бы показать в другом качестве, более интеллектуально и дипломатично. В советский период соревновались, кто в СССР хуже напишет про США, а в США — про СССР. Поэтому как российского режиссера Звягинцева я не очень понимаю* (Николай Бородачев). Признание эксперта в непонимании *российского режиссера Звягинцева* и припоминание советских норм для творческих профессий маркирует идентификацию Звягинцева как нарушающего в своем творчестве неписанные правила проявления сознательности по отношению к Родине (России): плохо о чужих и хорошо о своих.

Сделаем вывод. Для концепта «Андрей Звягинцев» в данном тексте базовой идентификацией является идентификация по принадлежности к профессиональной группе: «Андрей Звягинцев — режиссер». Сеть идентификаций образуют пять тематических направлений. В тематических направлениях мы можем выделить две неустойчивые дискурсивные зоны, в которых заметна дискурсивная борьба за право определить «истинный» смысл идентификации.

Во-первых, конкурируют идентификации из профессионального дискурса: (а) высокая эстетическая оценка работы режиссера и (б) режиссер выбирает конъюнктурные темы.

Во-вторых, конкурируют практики идентификации из государственнического дискурса: (а) идентификации с положительной оценкой режиссера, потому что он повышает авторитет России, и (б) идентификации с отрицательной оценкой режиссера, потому что он умаляет авторитет России.

Концепт в данном тексте образует дискурсивное единство не благодаря смысловой согласованности высказываний, а благодаря одновременному воспроизведению нескольких ценностных практик, вступающих в конкурентную дискурсивную борьбу относительно концепта «Андрей Звягинцев — режиссер».

Журналистский текст, в котором можно обнаружить численное превосходство определенных ценностных практик наряду с единичными идентификациями, порождает ситуацию выбора читателем из множества идентификаций такой идентификации, с которой он солидарен.

Применительно к дискурсивной идентичности возможно снять оппозицию идентификаций по основанию индивидуальной или коллективной принадлежности. Вслед за фран-

цузскими философами Э. Лакло и Ш. Муфф считаем, что четкие различия между этими типами идентификаций отсутствуют потому, что оба типа организованы с помощью одних и тех же дискурсивных процессов и по одним и тем же принципам [Laclau, Mouff 1985: 113]. Групповая идентичность предполагает сокращение репертуара идентификаций по сравнению с индивидуальной. «Люди конституируют группы благодаря процессу, в котором определенные возможности идентификации, как наиболее релевантные, выходят на первый план, а другие игнорируются» [Филлипс, Йоргенсен 2008: 85]. Это означает, что в дискурсе СМИ при установлении идентичности одного режиссера или всей профессиональной группы выделенные идентификации могут иметь иную конфигурацию, могут быть расширены или сокращены.

Однако множественность идентификаций дискурсивной идентичности состоит не только в количественных и качественных различиях. Идентификация может быть осуществлена с помощью разных дискурсивных механизмов, что открывает еще одно направление исследования дискурсивной идентичности.

Первый идентификационный механизм обозначим как «признаковый» и воспользуемся определением, предложенным С. Жижекком. Идентификация — «это тот значимый признак, который, согласно лакановскому определению означающего, „репрезентирует субъекта другому означающему“. Этот признак получает конкретную, узнаваемую форму в соответствии с именем или мандатом, принимаемым субъектом и/или налагаемым на него» [Жижек 1999: 109]. Например: *Фильм Звягинцева — безусловно, великое искусство* (Кирилл Разлогов).

Признаковая идентификация может быть присвоена через отрицание признака. Это соотносится с понятием негативной идентификации, понимаемой в работах Льва Гудкова как «самоконституция от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженная в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителей — в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо для членов группы или сообщества, короче, в качестве антипода» [Гудков 2004: 271]. Например: *В фильме Звягинцева нет огульной критики России, как иногда утверждается, а есть критика любого бюрократического общества. ... Это не антироссийский фильм по своей сути...* (Кирилл Разлогов).

Негативная идентификация в дискурсе СМИ часто воспроизводится как знак чужого

мнения для того, чтобы отказаться от него. В следующем фрагменте негативный признак присваивается *России* со ссылкой: *Запад хочет видеть нашу страну именно такой, какой показал ее Звягинцев — маргинальной, пьяной и непотребной* (Николай Бурляев). С одной стороны, отрицательно-оценочная идентификация *России* с точки зрения *Запада* одновременно отрицательно-оценочно идентифицирует и *Запад*, что, скорее всего, и является целью говорящего. Но с другой стороны, хотя далее контекст подсказывает несогласие Н. Бурляева с этой точкой зрения, мы считаем достойным исследовательского внимания сам факт воспроизведения негативной идентификации.

Второй идентификационный механизм — нарратив, история, повествование. Вообще понятие нарративной (повествовательной) идентификации связано с именем Поля Рикера, объединившего в исследованиях идеи личной и групповой идентичности со способом рассказывания жизненной истории [Рикер 1995; Рикер 2008]. В этом случае идентификация представляет собой рассказанную историю или отдельный сюжетный ход с ожидаемой (предсказуемой) завязкой и развязкой. Связная история требует от рассказчика ретроспективно усматривать некую направленность жизненных событий, увязывать их в значимую последовательность, постфактум придавать некоторым событиям значимость или лишать их ее. В анализируемом тексте нарративный механизм представлен скупой, только привычной метафорой *пути* и хронологической оппозицией *прошлое — настоящее Звягинцева: Мне очень жаль, что Андрей пошел таким путем, ведь он очень одаренный человек, который в прошлом снимал прекрасные фильмы. Я не знаю, диктуют ему продюсеры или западные спонсоры, но он выполняет заказ по дискредитации нашей страны* (Николай Бурляев).

В «признаковом» и нарративном типе идентификации скрывается еще один тип идентификации, но, так скажем, на другом уровне — это структурная идентификация. Этот тип идентификации заставляет исследователя задать вопрос: откуда надо смотреть, чтобы увидеть этот значимый признак? Или иначе: с какого местоположения в каком дискурсе эта идентификация видится нормативной? Словами Жижика, «это всегда идентификация с оглядкой на Другого» [Жижик 1999: 111]. Выделение структурной идентификации согласуется с выделением субъектной позиции в дискурсе (понятие субъектной позиции восходит к идеям М. Фуко, рассматривающего всякого говорящего как

находящегося внутри дискурсивной структуры и (вос)производящего совокупность определенных дискурсивных практик, которые и конституируют субъектную позицию [Фуко 1996]. См. также: [Савкина 2001; Филлипс, Йоргенсен 2008; Чепкина, Енина 2012]). Субъектная позиция относительно стабильна и представляет собой нормативную позицию дискурса с ожидаемыми речевыми действиями для говорящего в конкретной коммуникативной ситуации. Правда, норма в этом случае, говоря словами Дж. Батлера, «не обладает независимым онтологическим статусом, хотя свести ее только к конкретизациям довольно нелегко; она сама воспроизводится через собственные воплощения — посредством ориентированных на нее поведенческих актов» [Батлер 2011: 20]. Так, выше мы уже обозначили субъектную позицию дискурса защиты интересов государства (государственности), которая воспроизводится, несмотря на различие экспертных мнений об Андрее Звягинцеве. Кроме того, журналист, предваряя мнение экспертов, пишет: *Социальная драма „Левиафан“ Андрея Звягинцева завоевала американскую кинопремию „Золотой глобус“ в номинации „Лучший фильм на иностранном языке“. Это первая подобная награда в истории нового российского кино и вторая — для всего отечественного кинематографа (в 1969 году „Золотой глобус“ Советскому Союзу принесла „Война и мир“ Сергея Бондарчука)*. В последней фразе наблюдаем пересечение практик профессионального дискурса *награда в истории нового российского кино, отечественного кинематографа* и практик государственнического дискурса — труд на благо страны: *„Золотой глобус“ Советскому Союзу принесла „Война и мир“ Сергея Бондарчука*.

Подводя итог, скажем, что направления исследований дискурсивной идентичности стремятся выявить закономерности организации множественных идентификаций, связанных тематически с исследуемым концептом дискурса, и определить дискурсивные практики идентификации, конкурирующие за его «истинное» смысловое наполнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2005. — 310 с.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории : сб. пер. / сост. и комментарии Е. И. Гапоновой, А. Р. Усмановой. — Минск, 2000. С. 297—346.
3. Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 2 (76). С. 11—29.
4. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — М. : КомКнига, 2005. 320 с.

5. Брубейкер Р. Этничность без групп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
6. Громова В. М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: автореф. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. — Ижевск, 2007.
7. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. — М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. 285 с.
10. Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики: моногр. / отв. ред. О. С. Иссерс. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 37—61.
11. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград: Перемена, 2005. С. 5—24.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1989. 264 с.
13. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория: при участии изд-ва Гуманитарного ун-та, 2004. 328 с.
14. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. — М.: Русские словари, 1999. 396 с.
15. «Левиафан» — красавец или чудовище? // Известия: газ. 2015. 12 янв. URL: <http://izvestia.ru/news/581701> (дата обращения: 5.11.2016).
16. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90—106.
17. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
18. Леонова Е. В. К вопросу о дискурсивном пространстве формирования и вербализации идентичности // Языковые и культурные контакты: сб. науч. трудов. — Саратов: СГУ, 2010. С. 68—73.
19. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. — М.: Наука, 1995. 202 с.
20. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медiateкст в идеологическом контексте. — Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2011. 304 с.
21. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюз. науч. конф. (Москва, 20—23 мая 1991 г.). — М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. Ч. 2. С. 69—74.
22. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2010. 314 с.
23. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
24. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1999. № 1. С. 25—33.
25. Рикер П. Повествовательная идентичность // Герменевтика. Этика. Политика (московские лекции и интервью) / П. Рикер. — М.: КАМІ, 1995. 159 с.
26. Рикер П. Я-сам как другой: пер. с франц. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с. (Французская филология XX века).
27. Савкина И. «Пишу себя...». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. — University of Tampere, 2001. 360 с.
28. Сандомирская И. Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. 2002. Sonderband 50. 281 S.
29. Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 60—67.
30. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
31. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. С. 47—97.
32. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
33. Чепкина Э. В., Енина Л. В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня: сборник статей к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика. — М.: МедиаМир, 2012. С. 291—308.
34. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
35. Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты: коллектив. моногр. / отв. ред. Е. А. Земская. — М.: Языки славянской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. 496 с.
36. Laclau E., Mouff C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. — London: Verso, 1985. 197 p.

L. V. Enina
Ekaterinburg, Russia

IDENTITY AS A DISCURSIVE CONCEPT AND DISCURSIVE IDENTIFICATION MECHANISMS

ABSTRACT. *The article begins with an overview of identity research traditions in the national linguistics. Following the soft concept of identity, based on the works of Michel Foucault and Laclau/Mouffe, the author continues to develop discursive identity theory and defines the concepts of “identity” and “identification”. The article raises not the question of identity representation in the discourse, but how identity is structured in the discourse. For the first time it is suggested that identity (individual or group) should be treated as a set of identifications, organized in a discourse on the network principle. Semantics of identifications can be similar, complementary or mutually exclusive, but all identifications, that are structurally and semantically diverse, relate to the same discursive concept. Discourse identity is constructed by identifications of different subject areas, so discursive identity defining properties are dynamism, multiplicity, situationality. Identity analysis may relate both to research of network structure concept within a specific discourse and to consideration of its discursive practices constructing. Linguistic methods of identification are also discussed in the article; indicative, narrative and structural discursive identification mechanisms are listed. The suggested approach to the study of identity allows us to show its dynamic, “floating” nature, and, in particular, fixes the discursive struggle for identity semantic content. Identity as a discursive concept forms a unity not because of the semantic consistency of the statements, but of the simultaneous playback of identification practices of multiple values, entering into discursive competition for the “true” definition of identity. Theoretical propositions are based on the material of Russian media.*

KEYWORDS: *discursive practices; discursive identity; concept; media discourse; mass media; mass media language.*

ABOUT THE AUTHOR: *Enina Lidia Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi : sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. — Volgograd : Peremena, 2005. — 310 s.
2. Batler Dzh. Gendernoe bespokoystvo // Antologiya gendernoy teorii : sb. per. / sost. i kommentarii E. I. Gaponovoy, A. R. Usmanovoy. — Minsk, 2000. S. 297—346.
3. Batler Dzh. Gendernoe regulirovanie // Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kul'ture. 2011. № 2 (76). S. 11—29.
4. Borisova I. N. Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika. — M. : KomKniga, 2005. 320 s.
5. Brubeyker R. Etnichnost' bez grupp. — M. : Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2012. 408 s.
6. Gromova V. M. Konstruirovaniye identichnosti v internet-diskurse personal'nykh ob"yavleniy : avtoref. ... kand. filol. nauk / Udmurt. gos. un-t. — Izhevsk, 2007.
7. Gudkov L. Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997—2002 godov. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 816 s.
8. Zhizhek S. Vozvyshenny ob"ekt ideologii. — M. : Khudozhestvennyy zhurnal, 1999. 236 s.
9. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — Omsk : Izd-vo OmGU, 1999. 285 s.
10. Issers O. S. Diskursivnaya praktika: k opredeleniyu ponyatiya // Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya: novye diskursivnye praktiki : monogr. / otv. red. O. S. Issers. — Omsk : Izd-vo Om. gos. un-ta, 2011. S. 37—61.
11. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya // Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi : sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. — Volgograd : Peremena, 2005. S. 5—24.
12. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M. : Nauka, 1989. 264 s.
13. Kastel's M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve. — Ekaterinburg : U-Faktoriya : pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta, 2004. 328 s.
14. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. Rech' moskvicey: kommunikativno-kul'turologicheskyy aspekt. — M. : Russkie slovari, 1999. 396 s.
15. «Leviafan» — krasavets ili chudovishche? // Izvestiya : gaz. 2015. 12 yanv. URL: <http://izvestia.ru/news/581701> (data obrashcheniya: 5.11.2016).
16. Krysin L. P. Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 1. S. 90—106.
17. Lappo M. A. Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy. — Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2013. 180 s.
18. Leonova E. V. K voprosu o diskursivnom prostranstve formirovaniya i verbalizatsii identichnosti // Yazykovye i kul'turnye kontakty : sb. nauch. trudov. — Saratov : SGU, 2010. S. 68—73.
19. Logicheskyy analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke. — M. : Nauka, 1995. 202 s.
20. Maydanova L. M., Chepkina E. V. Mediatekst v ideologicheskom kontekste. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy un-t, 2011. 304 s.
21. Nikolaeva T. M. «Sotsiolingvisticheskiy portret» i metody ego opisaniya // Russkiy yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki : dokl. Vsesoyuz. nauch. konf. (Moskva, 20—23 maya 1991 g.). — M. : In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991. Ch. 2. S. 69—74.
22. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika. — M. : AST : Vostok — Zapad, 2010. 314 s.
23. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 238 s.
24. Revzina O. G. Yazyk i diskurs // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9, Filologiya. 1999. № 1. S. 25—33.
25. Riker P. Povestvovatel'naya identichnost' // Germenevtika. Etika. Politika (moskovskie lektzii i interv'yu) / P. Riker. — M. : KAMI, 1995. 159 s.
26. Riker P. Ya-sam kak drugoy : per. s frants. — M. : Izd-vo gumanitarnoy literatury, 2008. 416 s. (Frantsuzskaya filosofiya KhKh veka).
27. Savkina I. «Pishu sebya...». Avtodokumental'nye zhenskije teksty v russkoy literature pervoy poloviny KhIKh veka. — University of Tampere, 2001. 360 s.
28. Sandomirskaya I. Kniga o rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik // Wiener Slawistischer Almanach. 2002. Sonderband 50. 281 S.
29. Slobodyanik N. B. Konstruirovaniye identichnosti v politicheskom diskurse: k voprosu o roli sotsial'nogo antagonizma (o kontseptsii politicheskogo diskursa Laklau i Muff) // Politicheskaya lingvistika. 2007. Vyp. 2 (22). S. 60—67.
30. Fillips L. Dzh., Yorgensen M. V. Diskurs-analiz: teoriya i metod. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2008. 352 s.
31. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti : raboty raznykh let / M. Fuko. — M. : Kastal', 1996. S. 47—97.
32. Chepkina E. V. Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995—2000). — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 279 s.
33. Chepkina E. V., Enina L. V. Diskursivnye praktiki zhurnalistiki: metod analiza // Stilistika zavtrashnego dnya : sbornik statey k 80-letiyu professora Grigoriya Yakovlevicha Solganika. — M. : MediaMir, 2012. S. 291—308.
34. Shmelev A. D. Russkiy yazyk i vneyazykovaya deyствitel'nost'. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 496 s.
35. Yazyk russkogo zarubezh'ya: obshchie protsessy i rechevye portrety : kollektiv. monogr. / otv. red. E. A. Zemskaya. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury ; Vena : Venskiy slavisticheskiy al'manakh, 2001. 496 s.
36. Laclau E., Mouff C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. — London : Verso, 1985. 197 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук Э. В. Чепкина.